10. Черниченко, Ю. Нет перспективы? / Ю. Черниченко // Новый мир. – 1966. – № 8. – С. 150–156.

Свиридова Полина Петровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ПОЭТИКА РОМАНА Ю. ПОЛЯКОВА «ГРИБНОЙ ЦАРЬ»

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения романа под призмой социального и нравственного кризиса, определения его морально-философской проблематики. Материалом исследования стал роман «Грибной царь» Ю. Полякова, статьи исследователей по изучаемой теме (О. В. Карелова, К. А. Воротынцева, Л. С. Захидова). В ходе исследования были определены особенности идиостиля автора, проиллюстрированный примерами из текста, выделены сюжето- и смыслообразующие мифологемы.
Ключевые слова: Грибной царь, Ю. Поляков, поэтика, интертекстуальность, авторские неологизмы

Sviridova P. V.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to consider the novel under the prism of a social and moral crisis, to determine its moral and philosophical issues. The research material was the novel "The Mushroom King" by Y. Polyakov, articles by researchers on the topic under study (O. V. Karelova, K. A. Vorotyntseva, L. S. Zakhidova). In the course of the research, the idiosyncrasies of the author were identified, illustrated with examples from the text, and plot- and meaning-forming mythologems were highlighted.
Keywords: Mushroom King, Y. Polyakov, poetics, intertextuality, author's neologisms

THE POETICS OF Y. POLYAKOV'S NOVEL "THE MUSHROOM KING"

Современная русская литература, прошедшая этап модернизма и вступившая в постмодернизм, приняла в свои ряды роман Юрия Полякова «Грибной царь» об одном дне «нового» русского. Отечественная литература, отражающая каждый этап социального и политического пути России, не сделала исключения и на этот раз: в романе находят свое проявление социальные изменения и ретроспективные путешествия героя в прошлое своей страны. Роман интересен своими интертекстуальными связями с мировой культурой: тут и библейские мотивы, и народная культура, и староанглийская драматургия Шекспира.

Анализируя роман «Грибной царь», нельзя не отметить его характерную особенность – стилистический «сплав»: автор объединяет в романе советские клише (агитационные лозунги), армейский и постсоветский жаргон, перестроечные просторечия и лексику России 00-х. Такой авторский способ служит трансляцией особенностей перестройки и нулевых [5, с. 465].

Ю. Поляков активно использует советские клише в своем повествовании, зачастую совмещая с иронией, чтобы продемонстрировать, что советская идеология в 80-х годах не воспринималась всерьез. Таким способом автор продолжает свою традицию – использовать свои произведение как отражение эпохи. Некоторые персонажи, наделенные советской лексикой, являются воплощением того времени. Так, например, замполит Агариков, часто встречается в повествовании с крылатыми выражениями, дополняющие размышления

главного героя. Идеологию, приверженцем которой является Агариков, офицеры (и Свирельников в том числе) не воспринимают всерьез, иронически слушая призывы Агарикова к сохранению государственности и патриотизма («лейтенант Свирельников тоже сидел на собрании, иронически переглядываясь с товарищами и посмеиваясь над кондовым замполитом»).

Устойчивые советские выражения адаптируются и на иностранные языки: встреча Свирельникова с немецким охранником бывшей советской частью оканчивается немецким «орднунг»: приказ есть приказ («по-братски приобняв, повлек к выходу: орднунг есть орднунг»), что в советской культуре обозначало беспрекословное подчинение. Также автор использует культурные отсылки: «наивная чукотская девушка», «– А тебя-то за что? – За того парня», разделанное мясо на прилавке и вьющихся вокруг них мушек называет «расчлененные братья наши меньшие и совсем уже крошечные братики».

Повествование об офицерском периоде жизни Свирельникова изобилует как материальными признаками, так и речевыми особенностями: помимо описания жизни офицеров (дедовщина, национальные конфликты в воинской части, гарнизонные жены), вводятся исключительно армейские выражения («старики» и «салабоны», «боец невидимого фронта»). Лексика Свирельникова зачастую напоминает о его военном прошлом: водителю Алексею он отдает армейские приказы («– В офис! – распорядился он»), использует армейские фразы начальства («– Я думал, вы заняты…– Думаю я! – зло гаркнул Михаил Дмитриевич»).

Практически каждый персонаж романа обладает своими характерными – в некоторых случаях профессиональными – лексическими особенностями: оперуполномеченный Алипанов использует криминальную лексику («и «мурку» показал?», «значит, тебя пасут»);бывшая жена-филолог Тоня активно использует афоризмы, пословицы («свинья везде грязь найдет»), каламбуры в речи и обращает внимание на особенности языка с профессиональной точки зрения; лечащий врач Свирельникова преобразует русский язык в медицинский с юмористическим оттенком («жара, вино и «коитус континиус»); любовница-студентка Света говорит на молодежном сленге («не грузитесь» – не переживайте, «аск» – слушаю, «месседжа» – сообщения). Также у некоторых персонажей есть «фирменные» выражения: у Алипанова – «я внятен?», «аллеу», у Веселкина – «без всяких-яких»[4, с. 345].

Описание времен эпохи перестройки сопровождается просторечными, «маргинальными» лексемами: «фуфлогон», «стеганые» (из-за стеганых курток, в которые были одеты молодые люди). Язык бизнесменов и других людей нового времени отличается появившимися эвфемизмами: «гуманитарный взнос» – взятка, драка нищих за место – «раздел сферы влияния». Юрий Поляков активно создает собственные слова для ироничного повествования: «жлобиссимо», «расставательная завершенность», «внутриутробно выругался» (выругался про себя), «неуспешный карнегианец» (последователь советов Д. Карнеги), «невозвращенец» (не вернувший долг человек), «сначальная» (новая), «свежесостоявшийся», «лучезарная поздравительность» (выражение лица, с которым Свирельников заходит поздравлять важного чиновника).

В «Грибном царе» Юрия Полякова есть два сюжето- и смыслообразующих символа: гриб – символ власти, Гамлет – мотив выбора главного героя между убийством и бездействием. Помимо этих крупных символов прослеживаются пересечения с Новозаветным героем Иоанном Крестителем и змеями. Рассмотрим указанные образы подробнее.

В романе герой сталкивается с грибами несколько раз: 1) сон Свирельникова, в котором тот собирает грибы в ельдугинском лесу и находит целую поляну грибов, которые позднее превращаются в гадюк (этот эпизод «открывает» роман), рассказ дедушки о Грибном царе как источнике исполнения желаний; 2) покупка лисичек на базаре, которая возбуждает в нем желание поехать собирать грибы; 3) приготовление Светой (студенткой-любовницей) грибов;4) воспоминание о том, как Свирельников собирал грибы с Тоней (бывшей женой);5) поездка в лес за грибами со Светой, чтобы сохранить свою жизнь от возможного покушения;6) встреча с Грибным царем, потеря сознания, благодарность за исполненное желание.

Грибным царем можно считать Свирельникова – успешный, обеспеченный,

наделяющий деньгами церковь, ученого (устраивая его к себе на работу), СМИ. Свирельников, имеющий деньги, действительно исполняет желания тех, кто к нему обращается: герой на протяжении всего дня раздает деньги всем, кто на них рассчитывает.

С грибами сравнивается человек: подобно тому, как гриб копит в своей шляпке полезное или вредное, так и человек живет, накапливая совокупность принципов и морально-нравственных ориентаций («И вправду ведь, подумал Свирельников, люди похожи на грибы: тоже всю жизнь накапливают в себе разную дрянь, а потом вдруг становятся смертельно опасными»). Свирельников видит в Тоне и Веселкине грибы, которые наполнены отрицательными чертами. Грибы с гадюками внутри шапочки встречают героя в начале романа во сне, Грибной Царь рассыпается в труху, исполнив желание Свирельникова. Сам Свирельников, изменявший жене, обманывавший, заказавший убийство двух человек, как и Грибной царь, оказывается наполненным гнилью. Грибной царь – отражение ценностей и принципов главного героя, который совершает «антитеррористический» – превентивный ход («…он всего-навсего нанес упреждающий, антитеррористический, точечный удар»). Свирельников позволяет себе осуждать окружение, в своей гордыни он сравнивает себя с Богом, наделяя правом наказывать и миловать («…вот Михаил значит «подобный Богу!» Хэ… Богу! А с другой стороны, Бог ведь тоже грешников и предателей нещадно наказывал!»).

Распавшийся на слизь, труху и червей от легкого прикосновения Грибной царь символизирует, как легко Свирельников сделал страшный выбор за несколько часов раздумий. Также разложение Грибного царя является аллюзией мечты Свирельникова – «сначальная» жизнь героя, которая в себе не несет никакой нравственной наполненности, являясь порождением общества потребления. Дополнительным проявлением «грибной» лексики становятся фамилии персонажей: оперуполномоченный Алипанов (алипан – гриб болотник) и замполит Агариков (миндальный гриб из класса Агарикомицеты – более известный как шампиньон).

Еще один смысловой и сюжетный пласт – это использование шекспировского архетипа – Гамлета. Использование проявляется на двух уровнях: автор упоминает зайца из коллекции Валентина Петровича (дяди бывшей жены), сделанного в виде Гамлета, и выборе, который должен сделать Свирельников – убить или не убить жену и любовника; точно таким же вопросом задавался Гамлет, когда хотел отомстить за смерть своего отца – убить мать и ее любовника, своего дядю.

Заяц, сделанный в виде датского принца, сразу понравился Свирельникову своей детализированностью («Особенно умиляла Михаила Дмитриевича скорбно-лукавая мордочка этого «зайца датского» и его трогательные уши, свисавшие из-под берета в метафизическом изнеможении»). В момент, когда Тоня впервые заявляет о своих правах на фирму Свирельникова, которые потом послужат причиной для подозрений главного героя, у него в руках находится этот заяц; именно этим зайцем Свирельников замахивается на Тоню, и потом она говорит пророческие слова, которым, к счастью, не суждено сбыться: «Смешно! – сказала Тоня, когда Михаил Дмитриевич, опомнившись, опустил руку. – Первая полоса «СК»: «Бизнесмен убил бывшую жену зайцем!». Оставшаяся часть романа сопровождается мучительным выбором Свирельникова – убивать или не убивать Тоню и Веселкина, которые подозреваются в заказном убийстве. Идею об убийстве Свирельникову сообщает Алипанов, повторяя еще один знаковый образ – призрак отца Гамлета, который сообщил своему сыну о произошедшем в королевстве и требует мести. Исследователи придерживаются нескольких версий касаемо Гамлета, и одна из них заключается в том, что Гамлет сошел с ума и призрак отца – игра его воображения. Версия Алипанова не подтверждается, и выбор Свирельникова мог бы стать роковым, если бы не удачно решенная оперуполномоченным задача.

Упоминаемый в начале день усекновения головы Иоанна Крестителя тоже неслучаен: Свирельников узнает об этом из телевизионной программы, в которой неоднократно повторяется глагол «заказать» в значении «убить»: «…можно ли утверждать, что именно Саломея заказала Иоанна Предтечу», «Значит, Предтечу заказала Иродиада?», «Крестителя заказал царь Ирод». Этот же глагол снова появляется в повествовании, когда Свирельников

начинает подозревать свой ближний круг в заказном убийстве: «Даже если тебя и заказали, в чем я глубоко сомневаюсь…», «Заказал, конечно, кто-то из «невозвращенцев», «Ну вот: не захотела делиться по суду, вот и заказала», «Веселкин с Тоней его заказали и от них надо избавиться». Учитывая, что слежку за Свирельниковым заказала дочь Алена, можно предположить следующую параллель: Алена – Саломея, Тоня – Иродиада, Ирод – Веселкин. Еще одним подтверждением бездуховности Свирельникова становится игнорирование духовно-нравственных законов: на фоне дня поминовения Иоанна Крестителя, когда, согласно народным поверьям, нельзя ничего резать, главный герой заказывает убийство Тони и Веселкина.

Таким образом, роман «Грибной царь» Ю. Полякова представляет собой произведение, изобилующее авторскими неологизмами, яркими образами, «отсылками» на другие произведения классической литературы.

Список источников

1. Большой толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др. ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с.
2. Большакова, А. Ю. История и гротеск в прозе Юрия Полякова / А. Ю. Большакова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 141–146.
3. Воротынцева, К. А. К проблеме повседневности в нарративном дискурсе романа Ю. М. Полякова «Грибной царь» / К. А. Воротынцева // Сибирский филологический журнал. – 2012. –№ 1. – С. 80–85.
4. Сорокина, Н. В. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие Приключения текста: ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: изд-во АСТ, 2020. 256 с. / Н. В. Сорокина, М. М. Голубков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 3. – С. 184–187.
5. Захидова, Л. С. Мифологический подтекст как специфика идиостиля писателя (на примере романа Ю. М. Полякова «Грибной царь») / Л. С. Захидова // Идеи и идеалы. – 2021. – № 3–2.– С. 337–347.
6. Ибадова, Н. Э. Художественное время московского текста Юрия Полякова / Н. Э. Ибадова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 458-467.
7. Карелова, О. В. К вопросу изучения индивидуального стиля автора / О. В. Карелова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 3, № 20. – С. 24–29.
8. Поляков, Ю. М. Грибной царь / Ю. М. Поляков.– Москва : АСТ, 2007. – 512с.
9. Сунь, С. Метафоры веры в романах Ю. М. Полякова / С. Сунь, П. В. Маркина // Культура и текст. – 2024. – № 4(59). – С. 63–74.

Скрипченко Алиса Юрьевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИКИ: АНАЛИЗ АДАПТАЦИЙ ПУШКИНА, ГОГОЛЯ, БУЛГАКОВА

Аннотация. В статье рассматривается феномен графических романов как способа актуализации классической литературы. На примере адаптаций произведений А. С. Пушкина,